

www.literatur-viktor-prieb.de

Виктор Приб

Сборник

«Антология»

Урок немецкого у заочников

(август 1972)

Сопрано женское немецким
На мозги капает с утра
И старики – совсем по-детски –
Разносят с парты скрип пера.

А я сижу совсем нехстати
Среди седых учеников
И горько мыслю об утрате
И мною радостных годков.

Хоть время дальше устремилось,
Убито мной лет пять назад,
Вокруг давно остановилась
Метель находок и утрат.

Я уж не чувствую той боли,
Что обожгла меня давно,
И только маленькие роли
Играть осталось, как в кино.

Стихи кропать, чтоб легче было,
В чьи-то радости вникать
И, чтобы меньше сердце ныло,
Вокруг улыбки расточать...

На семинаре политучёбы

(осень 1980)

*Доклад идёт о пленуме
И слушать нам невмочь –
Здесь глухи мы и немые мы
И нам нельзя помочь.*

*А я сижу, тоскую
Во всю грудную мощь,
Ну чем теперь могу я
Хоть сам себе помочь?*

*Бездонные мне сини
Затмили день и ночь
И те ж глаза мальвиньи,
И вновь мне не помочь.*

*Считал, душевный трепет
Давно остался прочь
И даже детский лепет
Не сможет мне помочь.*

*Но ты пришла, родная,
Мне в Киевскую ночь
И я уже не знаю,
А надо ль мне помочь?*

Плач Пьеро

(осень 1972 г.)

Недавно мечталось,
Что самую малость
До счастья осталось...
Фортуны вираж –
И снова усталость
И на сердце старость,
И поздняя жалость –
Растаял мираж!

Шо ж горе до срока
И мысли потоком,
И снова из Блока
Слова о любви.
Глаза с поволокой,
Кашитановый лохон,
Душевная сдвока –
Не надо Мальвин!

Их рук белоснежность,
Притворная нежность,
А после небрежно:
«Прощай, уходи!»
И снова ты прежний –
Пустой и мятежный –
Со скрипом тележным
Ей вслед поглядишь.

Печальная нота
И плакать охота,
И та же забота
Опять впереди,
Что снова работа
И мокнуть от пота,
И надо бы что-то
Заштопать в груди!

Но верил я снова —
В поверья на слово
И счастья такого
Вновь в жизни хотел.

Поверья — основа
И счастья основа
Гнилая подкова
Моя не у дел.

Печальный итог
Стиховый поток —
Я глупый знаток
Для красивых девиц!
Но в сердце, как ток,
Волос завиток,
И жёлтый цветок
Между синих страниц.

Про коня и корвет

(февраль 1973 г.)

Мне бы саблю навзлёт
И коня на дыбы,
Эскадронный налёт –
И упал не забыт!

Или огненный смерч
И разъяренный танк –
Позабывтая смерть
И со связкой ва-банк!

Я же в детстве мечтал,
Чтобы череп и кость,
Ветер роджерс трепал
И пиратскую злость.

Чтобы пушечный треск
Абордажем накрыть,
Чтобы Южный лишь Крест
Шайну смерти мог скрыть.

Чтобы деньги и ром
В краткий отдыха миг,
Чтобы снова как гром
Трянул пушечный крик.

И прославлен, как Дрейк –
Жизни мало дано –,
Чтобы с мачтовых рей
В океанское дно!...

*Для того и мечта,
Чтоб остаться мечтой!
Проходили лета...
Что же стало со мной?*

*Ни коня, ни корвета –
Шолько мысли и тлен.
Заменяло всё это
Угнетенье и плен.*

*Шолько мнилась похожестъ
Моей жизни с мечтой:
Ром и деньги – всё то же,
Но случился застой.*

*Оказалось так трудно
Это всё совместить –
Шерял много и нудно
За мальчишечью пруть.*

*Оказался за бортом,
Словно смыло волной,
Как корабль без порта –
Новоявленный Ной.*

*Но опять же такой я:
Все ветра нипочём –
Ничего за душою,
Двадцать два за плечом!*

И снова мой корвет

(ноябрь 1980)

*Вот снова, мой корвет,
Ты нужен мне в строке –
Прошло немного лет,
А я опять в тоске.*

*Мы вновь навстречу ветру
Пойдём, упрямя лоб,
Пойдём уже не галсами,
А прямо в ветер чтоб.*

*Наш путь пролёт бушпритом:
И прям и ясен он –
Ведёт хоть и не в небо,
Но прямо в горизонт.*

*Пусть паруса на рифах,
Мы лечь не можешь в дрейф –
Я ураганной рифмой,
Ты чайкой в море рей!*

*Ведь мы не с ветром спорим,
А со своей судьбой,
И нет здесь побеждённых –
Она всегда с тобой.*

*Назад не оглянёшься –
Корма там высока
И укрывают прошлое
Сплошные облака.*

*Нам впереди туманные
Маячат берега
И, что там ждёт, узнаем мы,
Коль выдержит рука.*

*Но море обозлённое
Из рук штурвал мне рвёт
И пусть глаза солёные,
Зубами стиснут рот.*

*У нас достанет силы
С тобою, мой корвет,
Преодолеть все мили
И бешеный зюйд-вест.*

*Мы для того и ходим
С тобою на волнах,
Чтоб чувствовать волнение,
Пока не згинем в прах.*

*Чтоб с палубы волною
Смывать постылый брызг,
Лишь с морем и с луною
Чтоб быть душою слит.*

*Мы паруса стихами
Наполним в полный штиль
И пылками сердцами
Из мелей вырвем киль.*

*Нам суета морская
Превыше всех сует,
Нам лишь бы не мирская –
Ей в море места нет!*

*И всё же не придумать
Живее нас с тобой –
Мы не меняем румбы,
Нам рано бить отбой.*

*Ты палубу умоешь,
Почистишь старый борт
И в полуденном зное
Готов покинуть порт.*

*А я опять с тобою,
Ведь мы с тобой друзья,
Всегда готовы к бою
Ты, мой корвет, и я.*

*Попутчиков не надо нам,
Коль слабые они,
Хоть нет у них душевных ран,
Но дни их сочтены.*

*А мы навстречу ветру
Пойдём, упрямя лоб,
Ведь мы не ходим галсами,
А только прямо чтоб!*

Сомнение в депрессии

(1970-2005)

Когда бы мир так мрачен был,
как эти тёмные наплывы
из глубины души моей –
тоски и скорби переливы,
когда толь небыль, толи былъ
смешались с явью, словно пыль
затмила чувства,.. и подчас
приходит мысль, что лучше враз
окончить всё...

Тогда бы смысл утратил он!..

Причём для всех,
Даже для тех,
кто вдрызг влюблён,
или хмельной,
иль вдохновлён
иль ищет в мире смысл иной...

А он простой:
НЕ Я ЕСЛПЬ МИР И ЕТО СМЫСЛ.

Мир освещен не моей мыслью
иль состоянием души,
или ещё какой-то чуши.

*Мир – слава Богу! – есть извне.
Бог сотворил его тогда
без нас
лишь раз
и навсегда!*

*Мир не подвластен вовсе мне,
как бы я не был просвещён.
Он вечным Солнцем освещён,
которое изо дня в день
приносит в мир и свет и тень.*

*И так уже миллионы лет... –
как миг в них наша жизнь ничтожна –
Вращением Земли заложен
приходит день, закат, рассвет.
И завтра встанет Солнце тоже.*

И будет Свет! И я... – быть может...

*К картине Крамского
«Христос в пустыне»*

(Осень 1978г.)

*Сидит один на валуне
В пустынной жуткой тишине
Один за мир за весь в ответе,
Один, как перст на всей планете.*

*Но не смятён, а мыслит он,
Присев в пути на неба склон...
В своём изношенном рубище
Он божий сан ещё не ищет.*

*Ещё грядёт Голгофы крест,
Куда пойдёт Иуды перст
Его с застолья той Вечери,
Где он друзей своих проверит.*

*И тридцать сребренников тех
Ещё смутят его и всех,
Когда поймём ему подобно,
Что продавать друзей способны.*

*И к кровоточащим стопам
Ещё припасть людским грехам,
Чтобы простил великодушно
Циничность их и равнодушие...*

*Сейчас же, всем ещё не нужен,
Сидит он, думой перегружен,
И пустота в нём и вокруг
Сквозит в сцепленье его рук.*

*В руках не Бога – Человека,
Что плуг держали век от века,
Вся близость мне его души
И сам он – весь непогрешим.*

*Он измождён путём тернистым,
Сомненьями в объятия стиснут:
Предвидит он в своих сомненьях
Людей измену и гоненья.*

*Но всё ж в пронзительных глазах
Не прячет душу мелкий страх,
В глазах мучительных и добрых
Надежды виден всё же проблеск –*

*Да, он пойдёт путём жестоким,
Прощая все людей пороки,
Чтоб показать своим страданьем
Судьбы людской предназначенье!*

Портрет коллеги

(март 1983)

*Слегка причёсан, чуть побрит,
Средь наших женщин знаменит.*

*Имеет склонность к размышлению,
Но дисциплина, к сожалению,*

Наш юный гений тяготит.

*И всё же пишет понемногу –
Пегас бывало, слава Богу,*

*Доставив многих на Парнас,
Не забывал порой и нас*

*И, коль свободный пробегал,
ТПо к нам заглядывал в подвал.*

*Короче, так или иначе,
Известен он уже в печати.*

*Ему б вдвойне то было лестно,
Но рецензент – дурак безвестный,*

*Лишённый тех же самых крыл –
Не понял и не оценил.*

*Ему ж то слабая докуча
(С болваном спорить – что за скука*

*И вред для прочих славных дел!).
Уж ждёт его другой удел:*

*Вновь мысли голову теснят,
Шут волос дыбят, там – редят,*

И руки вновь к перу зудят.

*Уже он узнан по приметам,
Где вскользь, где более задетым,*

*По творческий Коллега наш,
Кому и двадцать-то не дашь*

*За юный ум и пыл души.
И впредь ты так же сокруши*

*И тяжесть лет, и конкурентов,
И всех неумных рецензентов!*

Ода Калыму *

(с заготовками для купюр, сентябрь 1984)

Мой Север мне питает Юг –
Вот в чём природы совершенство!

*(В науке ж столько не дают,
Чтобы испытать морей блаженство).*

И я, плюя на свой уют,
Калымов признаю главенство!

А там! ... Свободы сладкий дух,
Аж мышцы ломит от волненья.

Средь полчищ комаров и мух
Возводим мы свои творенья!

*(И, чтоб решить свои сомненья,
Не раз напьёмся в прах и пух).*

И где ж товарищей познать,
Как не на творческой работе,

Где, как один, шальная рать
Заводит свой бетон на поте!

*(Иль, изойдя в похмельной рвоте,
Все, как один, залягут спать).*

Никто не думает тогда
Ни о морях, ни о расчёте

И даже тоже не беда,
Когда в итоге мы в пролёте!

*(Ведь всё-равно потом – в залёте,
Текут те тыщи, как вода).*

Так будь же славен наш Калым
И мы – Калымщики – навеки!

Мы до работы будем злы,
Пока навек не смежим веки!

*(А нами выпитые реки
Давайте снова восполним!).*

* Калым – одна из форм бригадного подряда времён застоя, интенсивно используемая студентами и научными работниками для обеспечения принципа социальной справедливости в отношении внеклассовых прослоек, а также для сближения умственного и физического труда, города и деревни, Севера и Юга (прим. автора).

Эпитафия

(на надгробие отцу 16 января 1985)

Чужой был, но без укоризны,
Среди чужих, среди своих –
Ты прожил не своею жизнью
И, наконец, ушёл от них...

К томскому концу

(июль 1985)

Я не Жоффрей, не Бержерак –
Я Квазимодо и дурак,
В плену своих дурных идей
Я нахожу одних блядей!

Стучат мясницкие ножи,
Мне режут руки, режут жизнь,
Стучат, кругом пуская кровь,
Но всё не в глаз, а только в бровь!

Кого спросить – где мой творец –
Когда ж наступит мой конец?
Его уж нет и мне одно –
Давно открытое окно ...

*С меня при цифре 37
в момент сдувает хмель—
Вот и сейчас,
как холодом подуло —
Под эту цифру Пушкин
подгадал себе дуэль,
И Маяковский
лег виском на дуло...*

(Владимир Высоцкий)

Так что ж за цифрой 37?

(апрель 1988)

Так что ж за цифрой тридцать семь?
Конец иль середина,
Где самая стремнина?
Что там грядёт за всем?

Кто колыбель мою качал?
Что жизнь в руках творца?
Начало ли конца
Иль тридцать семь начал?

Вопросы, что топор и плаха.
Но если только их
Пускать я буду в стих,
То проживу без страха
(*Может умру как псих!*).

Нет магии
 конечных цифр и дат!
Давно известна связь!
За ними злая грязь
Плебейская палат,

Где коридоры проходные
И лишь один закон:
 в ком негде ставить проб –
Тем прямо, но лишь в гроб
Инакоостальные.

Отсюда и ответ
 находится простым:
Вписался в коридор –
Не вмазал, не припёр –
И ты умрёшь седым.

Но если прям в душе
 и в коридорах слеп – сложней.
Нет в жизни середины,
Несёт тебя стремнина –
Ты захлебнёшься в ней.

Из бурь весенних
 колыбель моя,
А жизнь - без мудрых рук,
Источник моих мук -
Моё начало - Я!

Вновь к цифре 37 (М.)

(июнь 1988г.)

Тридцать семь - это те же семнадцать,
Тридцать семь - это то же начало,
Где пора в новый путь собираться
И пора начинать всё сначала.

Потому что повзросли дети,
А сама ещё так молода ты,
Снова всё интересно на свете
И волнует тебя, как когда-то.

Перемеряны снова наряды,
К самым ранним подогнано тело,
Сметены возрастные преграды
И на семь килограмм похудела.

Снова в деле все женские чары,
И дугой поднимается бровь,
И от мужа вновь хочется жара,
И что б снова он пел про любовь.

Пусть же будет второе дыханье
Так же чистым и юным тақим,
Будто нежных цветов қолыханье,
Будто яблонь есенинских дым!

Машеньке

(июнь 1987г.)

Беспечность юности, мечты,
Девичьи шалости младые
И Петербурга дни златые -
Всё вобралось в твои черты

Как воплощенье красоты!

Лишая белой ночью сна,
Давя зачётами по стаям,
Там за весною шла весна...,
Но все проходят времена.

Пора взрослеть меж тем настала -
Кумиры пали с пьедестала,
Уж ноги вдеты в стремя
И ты вся в жизнь устремлена.

Урал манит тебя суровый,
И ты - романтики полна,
Тяжелокрыла и вольна -
Пошла в завод, нахмуря брови,

Определилась в мастерах,
Презрев смущение и страх,
Смирив волненья юной крови.

Летела жизнь ..., летели годы,
Но не брала тебя усталость
И вечность мигом представлялась ...
Была любовь и муж, и роды,

Не миновали и невзгоды ...

*А между тем своей чредой -
В Сибири жизнь свою мотая,
Вкушая ад в желаньях рая -
Кутил повеса молодой -*

Твой рок за каменной грядой!

*"Они сошлись ..." - сказал бы гений,
Но не для гениев сюжет -
Была лишь толща лишних лет,
Лищней тщеты, сует, гонений,
Метаморфозы поколений ...*

*И был всегда манящий свет -
Нить средь превратностей любых -
Начало общее судьбы:*

Был Петербург и был балет,

И был барьер, и пистолет,

И недостреленный корнет,

И недописанный сонет,

И больше общих "да", чем "нет",

... И лишь начало и конец ...

Дочери

*Тебе уже полных тринадцать,
Ребёнок и свет наш далёкий,
Хоть выросла ты на семнадцать,
Но все впереди ещё сроки.*

*И к каждому сроку с почином
Должна подойти ты готовым,
Всему узнать корни-причины,
На всё иметь веское слово.*

*В четырнадцать или пятнадцать
Ты станешь прелестною девой
И может быть будешь влюбляться,
Но прежде узнай судьбу Евы.*

*В шестнадцать ты станешь гражданкой
И паспорт получишь на зрелость,
И сможешь бросаться под танки,
Лицо обретая и смелость.*

*Лицо – это все твои мысли,
В них надо от всех отличаться,
Во всём искать собственный смысл,
Найдёшь – вот уже и семнадцать.*

*Когда ты со знанием целей,
С лицом, отчеканенным в личность,
Свои лишь дороги-качели
Средь многих по жизни отыщешь.*

*И пусть они будут прямыми –
Так счастье доступней для взгляда –
И пусть навсегда лишь твоими,
А мы пусть всегда будем рядом.*

Потерянное поколение

К закату шла уже стрельба,
Была кровавая гульба
 уж на исходе,
Семнадцатый уж трижды год
Всё городил свой огород
 в моём народе.

Но не росла в нём бузина -
Родня не в Киев свезена,
 по всей Сибири,
В дороги мрамор и гранит
С могил отцов, с могильных плит
 употребили.

И славой предков, букв имён
Не я, а шлях был упоён
 на Украине.
Но не пресёк зачатий рок -
Пятый отцу дала росток
 мать-героиня.

Там было просто всё со мной:
Родился я не под луной -
 не подгодили,
Не под парчëвой пеленой,
А под кладбищенской стеной -
 там, где родили.

Год был не сытый, не худой,
Когда спасались лебедой,
 так - серединный,
И я от матери большой
Всё же набрал вес выходной -
 три с половиной.
*И всё бы было не беда,
Не удушись уже тогда
 я пуповиной.*

Когда родился был апрель,
Но всё ещё мела метель
по всей России.
Хотел ли я родившись жить,
Могли бы и меня спросить,
но не спросили.

Никто не слышал первый крик,
Родился молча и привык
к своей планиде.
Я рос в могильной тишине
И колыбельной были мне
лишь панихиды.

А после таяли снега
И обвалившись берега
вскрывали трупы.
Народ к теплу было привык,
Начал оттаивать язык
звеняще хрупкий.

Текли ручьи из лагерей
И возле камерных дверей
ржавели дула.
Ушли усы в анахронизм,
Маячил новый коммунизм,
но вышла дуля.

Списали лысого в тираж,
Пришла эпоха мелких краж,
бровей карьера.
А я к семнадцати подрос,
И юность обрубил вопрос
Чэ-Эс-Эс-Эра.

Так то в удушье, то в дерьме,
То в непотребной кутерьме
 вся жизнь на смарку.
И думаешь, роман слюня,
Куда там Хэму до меня
 или Ремарку.

Вюртемберг, Германия до 1804
Пришиб, Российская империя 1804-1917...
Сибирский свиновхоз, апрель 1951 - 1968
Новосибирский академгородок, 1968 - 1970
Томск, Сибирь 1970 - 1985
Ижевск, Удмуртия 1985 -
Динслакен-Берлин, Германия 1990

(1986-1990)

Berliner Lied

(Berlin, Januar 1993)

*In Berlin bin ich Berliner,
Nur bin ich immer allein -
Meine Träume, Sorgen, Lieder
Sind für alle Kleinerlei*

*Ich kann mehreres ertragen,
Und muss immer stärker sein –
Trotzdem will ich manchmal fragen:
Wann kommt mir davon was ein?*

*Soll ich alles liegen lassen,
Machen mich schon wieder frei –
Zu Maria nach Dinslaken,
Wo ich habe alle Drei.*

*In Berlin bin ich Berliner,
Nur bin ich immer allein
Und in vielen Jahren drine
Scheint es immer noch zu sein...*

Die Liebe als Leben

(Berlin, 1998)

*Die Liebe ist ein Glück,
Die Liebe - Schicksalsschmuck,
Die Liebe ist ein Traum,
Die Liebe - Sonnenraum.*

*Die Liebe macht zum Gott,
Mit ihr wird nie man tot.
Die Liebe ist das Licht
Unendlichen Gedichts.*

*Die Liebe bildet Reich,
In dem man himmlisch reich,
Sie schenkt die ganze Welt,
In der man sich verfehlt.*

*Man ist dort nie allein –
Was darf schon schöner sein!
Die Liebe ist mein Herbst –
Die Liebe bist Du selbst!...*

*Nun bist Du nicht mehr da –
Was bleibt Verliebten dann?
Das Leben im Unglück,
Das Schicksal ohne Schmuck,*

*Das Leben ohne Träume,
In völlig dunklen Räumen,
Sei nun gebetet Gott
Um den Befreier-Tod.*

*Löscht sich das Liebeslicht,
Und rettet nur Gedicht.
So plötzlich wird das Reich
Vom Leid und Schmerzen reich.*

*Zerfällt die ganze Welt,
In der man selbst zerfällt,
In Einsamkeit allein –
Kein Leid darf schlimmer sein.*

*Doch Botschaft dieses Leids,
Daß mir die Liebe bleibt,
Sie erntet man im Herbst –
Du bist die Ernte selbst!*

Die Liebe als Tod

(auf der Brücke des S-Bahnhofs „Witzleben“
über die Stadtautobahn 100, Berlin, 1998)

Ich reiße ein Paar mit mir hin,
Es täte mir auch nicht mehr Leid,
Von dem ich überflutet bin,
Das mir Gehirn und Herz zerreißt.

Die Liebe schenkt den and'ren Glück,
Mein Traum wurde mir geklaut –
Von mir geliebter Liebesschmuck,
Wird einem and'ren zur Braut.

Nun gehen mir die Kerzen aus,
Kein Licht am Ende des Tunnels
Den ich mir wie 'ne Kirchenmaus
Versuch' zu graben – tot nunmehr.

Mein nicht mehr brauchbares Leben...
Was soll ich machen nun mit ihm?
Mich ohne Dich an dem zu kleben,
Ist ja für mich nicht legitim!

Verdammt für ewig durch Instinkte –
Von alten Kolonisten wohl –
Muß ich denn weiter austricksen
Rest meines Lebens wie ein Wolf?

Seit langem steht "Witzleben"-Brücke,
Wie Lebenswitz, zum letzten Flug.
Ich bringe es zum Ausdrücken,
Und die Instinkte sei'n verflucht!

Ich nehme Euch mit mir hin...
Es tut mir schon nicht einmal Leid,
Von dem ich überflutet bin,
Das euer Blech demnächst zerreißt.

Zweifell an der Depression

(1970-2005)

*Wenn unsre Welt wär' so trübseelig
wie trübe Fluten und die Ebben
in tiefsten Tiefen meiner Seele –
wo Wehmut- und die Trauer beben,
wo sich Trugbilder – oder nicht? –
mit Außenwirklichkeit vermisch'n,
und die Gefühle,
betrübt dadurch in voller Fülle,
sagen mir ab,
und der Gedanke an das Grab
verfolgt wie schwarzer Paladin...*

Dann hätte sie mehr keinen Sinn!

*Und zwar für alle. Auch für die,
die – stockverliebt
oder -besoffen
und von Begeisterung getroffen –
woanders such'n nach diesem Sinn.*

Doch der ist simpel:

ICH BIN NICHT WELT UND NICHT IHR SINN.

*Die Welt beleuchtet nicht mein Hirn
oder mein seelischer Zustand
oder ein ähnlicher Irrsinn.*

*Die Welt beleuchtet – Gott sei Dank! –
die Sonne draußen von mir
und ich verfüge drüber nie.*

*Egal wie viel ich Wissen schaffe,
am Gotte liege Welterschaffen:*

*Die Sonne geht und kommt zurück,
und das passiert, zu unsrem Glück,*

*Seit Millionen Erdjahren,
In denen wir im Nu verharren...
Und morgen geht sie wieder auf.*

Und' werde Licht! Und ich wohlauf.

